

Яна Гецеу

Неферомантика

Приключения, вампиры, смерть и любовь!

Яна Гецеу

**Неферомантика. Приключения,
вампиры, смерть и любовь!**

«Издательские решения»

Гецеу Я.

Неферомантика. Приключения, вампиры, смерть и любовь! /
Я. Гецеу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931231-0

Твои мечты исполнятся. Но тебе это не понравится... «Панк-рок для мертвых». Панк Шут едет в глухую деревню на поиски заветного трофейного «Харлея» и попадает в логово упырей, где правит зловещий Хозяин. Шут еще не знает, что ему предстоит влюбиться и умереть. «Теория неожиданности, или Loveц ощущений». Нормальные люди презирают таких, как нефер Русский: длинные волосы, драные джинсы, «косуха». И кто бы мог подумать, что он учится летать и может читать мысли? Его девушку зовут Ведьма, и неспроста... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-931231-0

© Гецеу Я.
© Издательские решения

Содержание

Теория неожиданности, или IOVEц ощущений	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Неферомантика

Приключения, вампиры, смерть и любовь!

Яна Гецеу

© Яна Гецеу, 2019

ISBN 978-5-4493-1231-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Это бяка-закаляка кусачая,
Я сама из головы ее выдумала...»
«Это бяка-закаляка кусачая,
Я сама из головы ее выдумала...»
К. Чуковский

Теория неожиданности, или ЮВЕц ощущений

А если кто меня обидит,
Я буду радостно дрожать...
...Я чист, Господи, чист,
Свят, Господи, свят!»
«Теплая Трасса»

«Мой ответный ход – шизофрения...»
Крот

- Здрасть, а Света дома?
- Нету ее, гулять ушла!
- Как – гулять?! А... а с кем
- Да не знаю я, черт бы вас всех пробрал, ухажеры!

Вот блин, даже и дверь не открыла! А сказать бы, я грубил, хамил, гадил бы тут под дверь! Так ведь нет! Тихий, вежливый мальчик. В косухе и грязных джинсах. С хайрами до лопаток. Но ведь косуха-то – новая, и хайры резинкой стянуты. А джинсы... ну, не отстирываются они. Харлею его байк надесь до двух ночи майстричили. Легче, правда, не стало – только доколбасили его нафиг – еще бы, под «Sex Pistols» и портвейн-с-паленойводярой+пиво много наладишь! Приполз на бровях в пять утра... Влада меня порезала на ремни. Но я усиленно блевал в объятиях «белого друга», прикидываясь настоящим панком, и ее визги-писки долетали до надорванных металлом ушей урывками, между спазмами, помогая очистке организма – и на том спасибо! Когда я с превеликой натугой сполз к обеду, она швырнула в меня мазутно-бензиново-спиртовые штаны:

- Давай быстро, тварь, в ванную, я тебе воды набрала уже, порошок на антресолях.
- Угу, – это вслух, а мысль одна: «Пошла в жо-пу-у-у-у...»
- Только не свали там ничего, алкаш! – орет она мне в спину, вызывая новый приступ блевотины. Меня вырвало на штаны, которые я нес в руках, еле успел подставить.

– Смотри там, путем отстирывай, а не просто жмакай! – вопит Владушка – кровопивушка, – а то развел тут... Не дом, а притон токсикомана, гараж, твою мать!!!

Эх, а вот мать бы ей и не трогать! Нету у меня матери. Дура эта вот крашенная, красotka бессмысленная, злющая, как Цербер. Бешу я ее, добиваю, гопницу долбанную. Родная мать небось, не такая! Какая ни была, а все не так, не будет родная мать как эта змея травить! Я ее не ненавижу, собственно, за что? Орет – так и пусть, у Харлика родная родительница – крокодил-крокодилом, папа тиранозавр, крокодители, короче. А Влада меня кормит, поит, наливает. Футболку «Гр. Об.» вот мне на днюху преподнесла, и хату освободила. Курит, как паровозное депо, и мне на «пыхтелки» дает. С ней и выпить, и по душам побакланить можно. Я ее, возможно, даже люблю, по-своему. Красивая она баба, стерва! По секрету, так лет в 12—13 я ее так хотел, крыша съезжала, когда она меня унижала, просто выть был готов от желания. Вот с тех пор я и с одной стороны не выношу сексуальных извращений, а с другой тянусь к унижениям. И сам себя не понимаю – чего мне больше хочется – трахнуть стареющую мачеху наконец, или продолжать терпеть ее насмешки дальше? Ведь нравится же мне это... Когда она

шлялась по утрам, злобно собираясь на работу передо мной почти не одетая, я замороженно следил за каждым ее резким движением. Знаете, как у Алексея Фишева:

«Я очень хочу тебя... мама!»

А уж тем более зная, что эта худая, злая женщина тебе не мать, и значит, в принципе можно... Она извратила мое сексуальное подсознание, сама того не подозревая. Разбудила страсть к кровосмешению, изврату. Тягу к боли и *внутреннему* мазохизму, унижениям. Я рад, когда в меня плюют те, кого я хочу. Когда они меня топчут и считают за ничтожество. Но и попросить об этом до сих пор никого не решился. Да и не столько у меня их и было-то, все простые девчонки с нормальными инстинктами – как можно было их о *таком* просить? Я просто представлял, помимо воли, что они мои сестренки... а они не понимали, если это с губ срывалось. И к тому же, все это слишком сложно, я и сам еще толком не определился, не хватает духу на откровенный разговор с самими собой – взять и признаться себе, что я и есть извращенец самый настоящий... чего я хочу больше – реальной, физической боли, или именно *внутренних* унижений, что слаще – когда тебя именно сознательно быют, и каждая сторона честна с другой, все знают тут, что происходит – или круче для меня, когда как моя Влада, не подозревающая соучастница моих наслаждений, когда голова кружится от восторга и позора за самого себя? Она – на работу, уверенная, что воспитывает малолетнее ничтожество как *положено*, а я – в подъезд! «Мама, мама...» и руки липкие... знаю, не мама, но как будто... *сладкое как будто... и какой бешеный позор, какой кошмар, я предаю память святой женищины, которую никогда не знал... хочется плакать, и корчиться, и просить, чтобы меня беспощадно били, били... красивая и властная худая женищина – Ах, ты дрянь, поганое ничтожество, как ты мог!!!! И вместо школы – иду в подворотню – и снова... о, а если кто догадается! И снова целый день в школе сгораю от боли самоуничижения – вдруг, по мне видно! Меня так распирает эта тайна, эта просьба боли... никто не видит – меня даже уважают одноклассники!! Я же отличник, несмотря ни на что. Я должен быть хорошим, и вдруг Влада меня приласкает за это! А она курит, глядя в мой дневник, пока я стою сгорая от смущенного нетерпения – потом она меня притянет к себе, поцелует в макушку – скажет – Ладно, хоть учишься, горе мое!! Да не твое, мое, мое горе! Я хочу тебя!!! Встает, и уходит. ААААА!!!!*

Я очень хочу тебя... мама.¹

Да и не знаю я кроме Влады другой матери. С трех месяцев она меня на себе тащит. Хотя могла бы, обнаружив синее от голода, уже даже и не пищащее чудо под дверью, 19-летняя Влада очень даже могла бы испугаться и сдать меня в детдом... или еще лучше – бросить в помойку, милицию там вызвать... да мало ли, как еще поступают в подобных случаях «честные граждане» – вонючие ублюдки!! Родных детей бросают, насилюют, истязают. А моя милая мачеха не такова, хоть сукой и прикидывается! Да, не балует, но зато по голове может не только треснуть, но и погладить. И ведь даже не догадывается, что скрывается за моими невинными взглядами. Так что, пусть орет, имеет право. И в самом деле... ух-х, рептилия.

А сейчас-то мне чего делать? Опять пойти по улицам шляться? Мерзнуть... Гитары нет, денег нет и не налабаешь! Сейчас дождь пойдет, на улице никого. Так куда же мне? Жрать охота. Нет, не сильно, но все же... К Герке рвануть? Не знаю. Ах, да, так ведь она же в Питере. С сынком какой-то продюсерши, идеальная любовь, мля! Может, и так, что я про *нормальную* любовь знаю? Крутая стала, ерш ее медь! Бухает сейчас, небось, с тамошними панками, или... вообще с «Пилотом»? Или «Дистемпером»? Хотя, они вроде московские. Ну, тогда, с «КиШ»ом. М-да... И в гости не зовет. А нафиг я ей? Мы никогда больно-то друзьями не были. Почти и не общались, у предков вечные дела, некогда детишек сдруживать в младенчестве, а потом уж поздно. Да и кто я ей, если разобраться? Избавитель от девственности? Но я и сам до нее был чист. Хотя она мне и что-то вроде родни. Она – сводная племянница Влады, ну,

¹ Текст Алексея Фишева

как сказать попроще? В общем, ее отчим – Владин брат. Я – пасынок Влады, она падчерица ее брата. Вроде, понятно. На самом деле, ее зовут Женя Герасименко, но в неферских кругах она Гера. Мы и неферить-то начали одновременно, и не знали про другого, потом как-то столкнулись на улице в одной куче. Она панковать взялась, я в металле прописался. Моя сестренка... Я ж говорю, тянет меня на инцест! Я ее хотел, долго, эту глазастую, и тощую девочку, но боялся себе в этом признаться, думал, как можно, ведь сестра же! А подрос, разобрался, что наше родство – туфта, и сразу прибежал с неприличным предложением. Она моментально согласилась, уж не знаю почему, и все было круто, хоть и больновато, и порвать получилось только со второго раза, но она так извивалась... сладкое это дело – инцест!

А ведь после этого мы больше, в общем-то и не виделись. Вот ведь как. М-да, а жаль. Я как представляю, что кровную, собственную сестру трахал, так губы пересыхают, мурашки бегают.

Конечно, можно бы и Владе предложить, но мне мои тайные мучения приятнее. И потом, вдруг мне не понравится, или совесть заест (что, конечно, навряд ли!). Или понравится слишком, а она больше не даст. Да еще много чего, а в мечтах...

В мечтах у меня – Светка. Эти бедра надо видеть, чтобы меня понять! Какая шикарная плоть, Боги и Дьявол!! Да прогуляться в нее – что рай трахнуть! И от того, что она меня близко не подпускает, хочется еще больше, дурочку! Лучше бы сразу, а так – я ее убью скоро!

Ну как же так, а ведь мы договаривались, я думал, мы сейчас гулять пойдем, шел, волновался. Дура ты, я же люблю тебя! Наверное. По крайней мере – хочу ужасно! Прямо трясусь весь! Когда удастся заглянуть в зеленые глаза с искорками, два темных солнышка на круглом личике, я замираю в сумерках нежности, сердце мучается сладко и больно. Мне хочется изорвать ее на клочки и каждый клочок, истекающий кровью, поцеловать. Так, как Гумберт мечтал вывернуть наизнанку свою маленькую Ло, и перецеловать ее перламутровые внутренности. Трогательная романтика извращения. Ну, неужели, Боже мой, неужели... О чем это я? Вот и дождь.

Найти какой-нибудь подъезд? Или остаться мокнуть? Один черт, ведь Светки дома нет, она с кем-то гуляет! «Ухажеры», значит, кто-то успел до меня увести ее в серый день, куда-то под крышу собственной похотливости. Или может, сидит сейчас в «Родине», на сдвоенных местах «Love Seats» и жмет ее к себе, мою, мою пухлую, мягкую, нежную Свету. Ну, уж нет, я ее знаю, она так просто не дастся, и места у них обычные, и руку его в темноте она отталкивает. Вот будто самой не хочется! От этих мыслей я улыбаюсь и радостно пинаю консервную банку.

– Ой-ой, поглядите, какой он раздолбай! – изгаляясь, корчат рожицы девчонки, не очень трезвые и в модных коротеньких курточках с полосочками тел между ними и узенькими джинсами.

– А у тебя клевая попа, поверти так еще раз! – кричу я. Они чего-то ворчат, и отваливают. Стоит гопнице прямо указать на ее задницу – она туда и пойдет. Это вам не неферша, которая еще и встанет повыгоднее, и расскажет где у нее на самом-рассамом месте симпатичная родинка. А то и покажет...

От нечего делать, я встал на остановке и принялся читать «объявы» – совсем рваные, не совсем рваные, и свежие. «Пропала собака» – и я тоже пропал. «Утеряно», а что утеряно – непонятно, но видно, че-то важное, раз предлагают вознаграждение! Вот бы найти эту фигню, и получить деньги. А потом... Да, с деньгами всегда можно разобраться, особенно, с халявными! Да скорее всего, пропить! Я люблю помечтать, про деньги, че есть, то есть! Оп-па, кто-то косуху продает! А, да, у меня уже есть одна, новая совершенно – я любовно погладил жесткую кожу, чуть зацепившись ногтем. За нее я целое лето корчился в прошлом году. Мышцы спины потянул, до сих пор маюсь. Ага, вот: «Школа практической магии и парапсихологии госпожи Златы Скиф», – о, как! «Овладение астральной практикой, бытовая и любовная магия, защита от сглаза, практика снятия родовых проклятий...» Ой-ой, а может вы и по воде ходите, и мерт-

вых поднимаете, госпожа Скиф? Я горько усмехнулся – мне не то, что поднять, мне узнать хотя бы, где лежит мама... Позвонить этой дуре, Злате-в-халате, да и сказать: «А летать вы не учите? Могу к вам преподавателем засобачиться!» Каково? Да, фамилию-то отхватила – Скиф! Это вам не Иванова, и не Мышева! Ай, да пошла она! Достала. Светку-то я сегодня все равно не увижу. Хотя, может быть. Сердце стукнуло о прутья грудной клетки в предчувствии возможности неожиданного поворота дел. Это единственная настоящая моя радость в жизни – ожидание приключений. Пусть, дурацких, пусть мелких и совсем на приключения не похожих, но я из любой ерунды готов создать событие. Просыпаясь утром, я планирую день только для того, чтобы потом дать какой-нибудь мелочи разрушить весь стройный порядок дел, и, замерев, следить, как они рассыпаются прахом. Это как игра в боулинг – кегли-дела выстраиваются правильным и единственно возможным для разумного существа порядком только для того, чтобы их разбили тяжелым шаром. Они разлетаются в некоем недоумении – как же, ведь все было так правильно? А игрок, катнувший шар, прыгает от восторга и получает свой выигрыш. Мой выигрыш – приключение. Случайный секс и неожиданная пьянка, поход на природу или поездка «на хату». Мордобой с гопами или ночь в ментовке без документов, – а ведь точно помнил, что они в кармане... Перепадает по всякому, но в том-то и дело, что ты этого не ждешь. Так я пробил ухо. Так я нашел объявление о косухе. Так я попал на «Арию». Так я переспал с Геркой. Так я сгонял в Самару, и меня там сцапали скиньюги, но я от них слинял, и мерз как собака на берегу реки всю ночь в одиночестве. Такой волшебный кайф словил – ночь на Волге, я один, и тишину лишь плеск волн нарушает... потом расскажу. Ведь и это не было моим идальным ощущением. Так я ночевал раз десять в ментовке, за что Влада закрывала меня в квартире. Я заколебался этим однажды, и убежал – кинул друзьям ключи в окно – и схлестнулся с гопами на смерть. Рожу неделю ломило. Зато Светка пришла меня проводить, и впервые поцеловала...

Когда плавное течение дня вдруг нарушается, и мой кораблик напарывается на подводные камни неожиданностей, я терплю крушение радостно, нет, я его не терплю – я им наслаждаюсь. Сладкая тревога сжимает сердце – и оно удивленно замирает – что-то будет? Ты идешь в библиотеку после лекций – голова зудит, руки трясутся – тебе ужасно хочется спать, тело рассыпается в прах. Проклинаешь все на свете, и – оп! – библиотека закрыта!!! Да, внешне ты бесишься, но ровно настолько, насколько требуют приличия – вот, время ушло, да лучше б я спал дома! Да пожрать бы точно уже успел! «Вот дерьмо!» – орешь ты, и разворачиваешься с самым сердитым и несчастным видом, полный решимости немедленно ехать домой!!! Но... приключения уже постучались и стоят, ухмыляясь, у двери твоей души. Они уже вытерли ноги, и готовы войти. А ты еще продолжаешь сам перед собой ломать оправдательную комедию: топаешь на остановку, звенишь в кармане мелочью. Но черт на левом плече шкрябнул коготками по внутренностям – «А может быть...» «Нет, не может!!! Я слишком устал!» – орешь ты на черта. Но черт не верит, что можно быть слишком уставшим для приключений, ведь черт этот – ты сам. И шаг твой замедляется. Пока совсем не остановишься, глядя по сторонам – направо пойдешь, домой попадешь. А налево – оно и есть налево. Все. Идешь налево, хотя чего-то где-то еще ноет – ну поехали домой, ну, жрать же охота. Дома поспать можно. Но, зная, что мог бы погулять, я не засну! Ведь что-то упустишь – и все, больше не вернешь, и не узнаешь, что потерял. Потрошить каждый день, как больной маньяк, хватать за хвост молодость, лететь по ветру и выворачивать наизнанку время, ища в каждом уголке Ощущения – вот что есть я, мое дело и мое счастье!

Я на противоположной остановке – все, шар разбил кегли, только получи свой выигрыш. Что это будет на этот раз – пинок под ребра, или благосклонный взгляд прекрасно-похотливых глаз? Ох, не знаю! Но меня томит, ломает это предчувствие, да так, что повышается давление. От жадности трясутся руки – больше, больше ощущений, болезненных и сладких, горьких и едва уловимых. Ах, да если бы я мог летать! Я помчался бы туда, Бог знает куда! «Троллик»,

первый попавшийся повез меня в неизвестность. Ох, сейчас выйду где-нибудь и нарвусь... А если нет – значит, завтра! Лишь бы этот день скорее кончился – без Светки, без приключений. Чем больше времени проходит, тем ближе я к НЕМУ – Главному Приключению В Моей Жизни. Лишь бы не подохнуть, когда где-то там, через сколько-то лет я пойму, что «Вот Оно, Начинается...»

«Аграрка» – выскакиваю чуть не на ходу, хотя только что думал доехать до Горса, чтобы наверняка – но вдруг Это здесь?

Спустился в переход, беспокойно озираясь – тихо, пусто! Нет, не в том смысле, тихо – орет какая-то попсня, но не слышно смеха, мата и гитары лабухов. Бабулька-алкашка просит на бутылочку – «наш человек», аскерша старая. Что же это, я не обманулся, когда думал ехать дальше? Но проклятое нетерпение помешало! Ну вот, теперь опять тащиться вверх, терпеть медленный ход «тролля рогатого». А ведь во-он уже где был бы! Ду-рак! А с другой стороны – вдруг они бухают где-нибудь здесь – в парке, в подъезде (в каком?!), или вообще в ближайшем «комке» выбирают портвейн?

И вот ведь, казалось бы – ну что это за дерьмо – все только пить да пить, и больше ничего? Но так легче нарваться. Хотя, острота ощущений конечно, не та. А впрочем... Да, фиг с ним, лишь бы найти кого-то. Ну, хоть кого-нибудь!

Я рванул обратно вверх по лестнице, кинул два рубля в коробку:

– Бабуль, тут таких как я не было?

Она принялась хрипло выть, благословляя меня, всячески призывая на мою голову здоровья, тащила Бога с небес себе в союзники. Да заткнется она, или нет? Я повторил вопрос погромче.

– Да нет здесь никого и не было! Полчаса ошиваюсь.

Девчонка возникла так неожиданно, что я отшатнулся. Она усмехнулась и протянула мне ладонь:

– Хой, я Ведьма.

– Хой, Русский.

– Заметно!

Мы стиснули руки в неферском пожатии, разглядывая друг друга. Ей лет 16—18, не больше. Личико нежное, мягко-овальное, с оттенком циничности. Светлые, рыжие стриженные волосы с веселой небрежностью топорщатся чуть завиваясь. Подкрашенные серо-голубые глаза выразительные и с налетом загадочности, разглядывают меня. Я увидел то, что видит она: «Парень лет 17, чуть повыше меня, насмешливые прищуренные карие глаза – хм, совсем не простые. Клевая косуха, необычная, где достал? Ухоженные русые волосы стянутые в длинный хвост. Симпатичный обветренный рот, удлинённый хрящик носа. Ничего так парнишка, из наших! Но явно не панк, слишком чистый. Металлюга? Наверняка. Кажется, со спиной проблемы, немножко крючится в сердечном позвонке, как я, бедняжка!» Я улыбнулся – почти угадала. Приятно такой симпатяшке нравиться!

– Ведьма, ты бухать хочешь?

– Ой, да кто ж не хочет? Холодно, продрыгла вся! Где народ шляется, блин! Шла, думала все здесь! А приперлась – только время терять! Русский, у тебя деньги есть?

Я посмотрел на ее тугие полные бедра, обтянутые джинсами «дырка на дырке» через которые видно тонкие черные колготки... Меня как крапивой укусило – хочу!! Хоть потрогать, просунуть пальцы под расползшиеся ниточки, до теплой кожи... У-ух!!

– Нет у меня денег. И гитары тоже нет, – пробубнел я, не отрываясь от созерцания. Она проследила за моим жадным взглядом и самодовольно усмехнулась: «Лишние дырки прожжешь, мальчик!» Я с трудом оторвался. Она повернулась, булавки, густо нацепленные на ее дешевые берцы и штаны звякнули как призыв, и я вздрогнул. Не могу! Сколько я еще продержусь без девушки? Эх, Светка, ну почему ты меня не хочешь? Зато Ведьма, похоже... Да ну,

хоть бы и так, да только где? У нее? Навряд ли. В парке – сдохнешь. В подъезде – не захочет. Тьфу, я еще даже имени ее не знаю, а уже «под юбку» ей мысленно залез. Планы строю! Но ведь гиперсексуальности не прикажешь! И она такая округлая, плавная, смачная. У-у-у, это невыносимо! Зачем меня так дразнить впустую – ведь наверх поднимается, будто танцует! Блин, да нет, походочка у нее нормальная, неферская, раздолбанная, будто мешок цемента тащит. Но для меня танцует. Голая. На столе. Ерш твою медь! Хватит глядеть на ее «мадам Сижу», или сдохну. Я забежал вперед, заглянул ей в лицо:

– Ведьма, мы куда идем?

– Ну, для начала в подъезд, поссать.

– А потом? – вот и сердце сжалось – «а потом», волшебные слова, с запахом новой истории!

– Потом за гитарой к одной девчонке, если она дома.

И усмехнулась, так сладко, и так... нет, не пошло, а как-то... загадочно, что ли? Нет, это дешевые бабские трюки, на которые я все еще попадаюсь по молодости и неопытности. Или может... она правда ведьма? Да нет, быть не может, просто красивый ник, да и только! Торба у нее «КиШ». Ладно, спрошу.

В подъезде пока она торчала этажом выше я спросил, как можно небрежнее:

– Ведьма, слышь?

– А-и?

– Тя как зовут-то, на самом деле?

– Яна, – и кажется, снова усмехнулась. Спустилась вниз, блеснув в полумраке глазами. Подошла так близко, что мне стало страшно – а вдруг поцелует?! Чего я испугался, не понять, и чтобы это скрыть, поспешно закурил, протянул ей:

– Хочешь?

Голос сдал от волнения. Она помотала головой:

– Бросила!

– Вот это молодец.

– Ага, молодец, пять лет бросала. Сколько курила, столько и бросала.

– Ого, ни фига! – я почти восхитился, это того стоит.

– Мы к кому идем, может, я знаю? – надо же что-то сказать, а внутри все так предательски дрожит, как будто я еще никогда с девушкой по улице-то не шел, а не то что...

– Может, и знаешь. Логика, Ульянка. Маленькая такая, 14 лет. Нет?

Я подумал, помотал головой. Но, вроде, че-то знакомое. А впрочем – нет.

Три звонка – коммуналка.

– Здравсте, а Ульяна дома? – самым вежливым тоном, какой можно изобразить ее простуженным голосом «дрянной девчонки». Хрупкая женщина с хвостиком, видно, мама, сообщила нам, жалуясь:

– Нет ее, совсем у меня ребенок с ума сошел, у нее через месяц в «музыкалке» экзамены, а она... – и махнула рукой, вздыхая. Мы понимающе закивали, будто не были такими же раздолбаинами.

– Ну, вы ей скажите, Яна заходила, пусть она мне позвонит.

– Хорошо! – и дверь закрылась.

– Прикинь, девчонке 14, а она 10 лет со скрипкой в обнимку! Ребенок только ходить научился, а ему в ручки под хватательный рефлекс – скрипочку. И вот теперь – радость такая, заканчивает! Вот, наверное, забухает.

– Зато профессия, и в группу можно.

– Да, и знаешь, как аскачь клево! Блин, за полчаса – полтиш!

– Вот бы нам сейчас хоть тридцаточку!

– Ага, это точно! И жрать охота! – жалобно вздохнула она.

– А мне-то! Я сегодня только один раз перед колледжем чаю попил.

– Подохнуть! – говорит она: – Я тоже.

– А ты где учишься?

– В универе, ВЭГУ знаешь?

– Знаю, в Зеленке.

– Нет, у нас на Телецентре, факультет СКД. Я – менеджер СКД! – не без гордости косится она на меня.

– Во как! – я нифига не понял, кроме того, что это реально круто! Но, Боже мой, что же мы будем делать, ведь и в правду очень голодно! Вот бы как-то... халяву что-ли какую! Если она ведьма, сложили бы способности и чего-нибудь навлекли на голодные головы. Отвлечься пока разговорами.

– Ян, а ты... в смысле, че за ник у тебя?

– А че, плохой?

– Нет, очень хороший, просто как-то, как сказать? Не так-то просто!

– Я тебе скажу, Русский, – начала она так спокойно. – Я просто, действительно ведьма. Не хочу никого обманывать. Пусть люди знают, и кому не нравится – валят! Я ведь никого не заставляю, просто предупреждаю. А то потом – ой, ты такая-сякая, я-то думал, а ты! Чтобы не думали. Но ты знай, я не злая. Хоть и не добрая. Но если что – обращайся! Я не откажу. Не имею права отказывать в помощи, если от души попросишь.

Я кивал, жутко обрадованный – смотри-ка, теперь мы вместе *побарагозим!* Только подружиться, а там... Вот, для начала – еды раздобыть! Я вздохнул поглубже, прикрыв глаза, осторожно взял ее за руку. Она чуть вздрогнула, как трава под легким ветерком, но руки не отняла. «Давай же, девочка, не прячься, раз все сказала! Я прошу тебя о помощи, и так искренне, как может, никогда и никого! Пойдем вместе!» – прошептал я ей, – и она поняла!! Маленькое чудо произошло. Ее мысли протекли в меня как липкий сок солнечной дыни, мои – в нее, перемешавшись в сцепленных ладонях – вот! Нам прямо! Я испытывал несравненное ощущение, будто кончая, или что-то вроде, по восхитительности не уступающее трахле!

– В магазин, там халява! – ожила она, стряхнув рабочее напряжение и решительно потопала вперед, почти волоча меня, обалдевшего, за собой. Руки склеились от «дынного сока», не разлепить! «О, не кончайся это чувство», – я радостно улыбался – вот, вот оно, то, ради чего я не поехал домой и подышаю сейчас от голода и усталости, практически не замечая этого за радостью – а вдруг мы подружимся? Ведьма, настоящая, счастье-то какое! Люди добрые, смотрите, я иду за руку с Ведьмой, я не один такой! Теперь-то я точно полечу! Она ведь поделится? Непременно рассказать ей сегодня же, как я учусь летать, и мне не хватает всегда совсем чуть-чуть, немножко донорской крови!» Зазудело сейчас же схватить ее, расцеловать прижать к себе.. еще сильнее, и.. ой, нет! Опять я за свое!! Не-ет, не сейчас. И немедленно здесь и как угодно. Но мы же не для того друг-друга нашли. А Яна вдруг расхохоталась, не оборачиваясь. Я заморгал – чего это она?! Ах, да, мы же еще держимся за руки, и она все слышит! Я ужасно смутился, покраснел до ушей – еще не могу превращать свои тайные желания в откровенные без последствий, только учусь. А ее это, похоже, нисколько не волнует, привычно. «Сексуальное развитие девушек происходит на порядок быстрее» – всплыла не в тему дурацкая фраза из учебника. Вот, блин! Облажался на радостях! Дело ведь не в том, что я подумал, а в том, что меня это смущает! Лох. Яна толкнула дверь магазина и безошибочно направилась к дегустационному столику. Милые девушки, заученно улыбаясь, стали втолковывать нам про рекламную акцию – вет-чи-ны!! Янка, нет, я тебя трахну! Вот только напьюсь.

– Ага, понятно, а попробовать можно? – и, не дожидаясь ответа, принялась с видом знатока многозначительно жевать крохотные нарезочки. Я посмотрел на нее, и решительно схватил такой же кусочек. Обильная слюна, как у бродячей собаки, не дала колебаться, и я прогло-

тил на счет «раз» один кусочек, на счет «два» уже жевал другой. Вкуууусно! Янка, куражась, толкнула меня в бок:

– Как ты думаешь, мне кажется, первый как-то...

– Нет, я, пожалуй, как-то, не разобрал! Можно еще? – и схватил очередной треугольник. Так мы жрали, сколько позволяли приличия, и еще чуть-чуть. Нас чуть не прогонять взялись. Мы обожрали весь стол, и смылись под недовольными взглядами «рекламщиц».

– Эх, кайф! – довольно вздохнула Ведьма, облизав губки.

– Знай голодных халявщиков! – крикнул я, удаляясь от «кормушки». Неплохо, совсем неплохо!

– Теперь... – начала она,

– В переход! – закончил я. Ну, взаимопонимание ангельское! Вот это дру-уг! Я от нее тащусь. Сам бы я фиг решился столько сожрать, а с ней – ничего, практически сыт! Теперь еще...

– Пива бы! – вот, снова понимает.

Еще на подходе к переходу мы услышали то, что так хотели – смех, мат и гитарное бречение. Значит, друзья, значит – пиво! Viva, неформальское братство! Может, и Дикая Дика, мой чудный дружок там? Очень давно не видел я ее, скучаю!! Это мне Ведьма навеяла – я ведь уже надеюсь обрести в ней нового, столь мне необходимого друга-девушку!

Их было пять человек – разнорослых, почти пьяных, две девчонки и три парня. Девчонок я знал – высокая Алекс в черных джинсах, косухе и очках на дружелюбном лице и полненькая хорошенькая Мышка в длинной юбке. Дики не было, эх... Также я узнал Священника-Изгою, а вот двое других мне неизвестны. Зато Ведьма со всеми обнялась с радостными визгами, а с Изгоем долго о чем-то шепталась, улыбаясь, чем вызвала приступ, в общем-то, необоснованной, но болезненной ревности. Мышь и парень по имени Ветер лабали, я и смахивающий на колющегося Горшка Тяжкий пели, а Алекс аскала. Делала она это – залобуешься! Подойдет к прохожему, заламает такое голодное лицо, что жалость одна, и проскулит:

– Помогите бедным музыкантам! Изыщите копеечку!

Тут только самый черствый выдержит – и в подставленную бандану летит мелочь, а то и «чирки». Когда кто-то положил полтиш, мы завыли благодарно, и заорали: «Спасибо!!!!» так, что чуть не распугали прочих желающих помочь пропащим талантам.

Я не забыл краем глаза следить за Ведьмой – она доверительно наклонившись к Изгою что-то интимно ведала ему, и оба смеялись. Она похлопала его по руке, стянула с него бандану, и встретила человеческий поток противоположный тому, что обрабатывала Алекс. Блин, глядя на ее рыжий лохматый затылок, сильную спинку и то, что ниже, я все думал – Ведьма, ну, пожалуйста, о, пожалуйста! Я не просил пока ее помощи, но хотелось упасть на колени и умолять – ты же ведьма, помоги же мне!! Я столько лет, семь долгих лет без перерыва, мучаясь и не веря самому себе, надрывался и расшибал колени, сломал руку и даже попал в больницу с сотрясением когда решился поверить, что я могу, теперь действительно могу лететь. Я вышел оттуда, и – ты не представляешь, каких трудов мне стоило не разочароваться, не бросить это все, и снова, надрывая пупок в чертовой попытке лететь!!! Мне предлагалось так мало – всего лишь подчиниться Дьяволу – и лети! Но нет. Я свободен, как и прежде – но не лечу! Временами я готов был звать Его сам, и просить – заведи ты мою волю несчастную, только дай сделать Это! И что меня держало тогда? А может, Он сам презрел меня за мой отказ? Потом я понял – или где-то прочел? – что мне не достанет сил. И я не смогу. Пока кто-то, такой же, как я, не поделится со мной собой. Своей силой. По доброй воле. И вот тогда... Ведьма, я прошу тебя! Что ты хочешь взамен? Ах, да, надо же чтобы бескорыстно! Ну, хорошо, я просто больше не смогу молчать. Я буду тебя умолять. *Я мечтаю тебя умолять...* Опять не то! По своей воле, а не под давлением жалости. Но как же мне к тебе с этим подойти, и не наломать дров?! Думай, Русский, думай!

– Русский!

Я вздрогнул, будто меня ударили. Я, оказывается, стою молча, а все поют, и Ведьма осторожно трогает меня за рукав. Я с надеждой уставился на нее – ЧТО???

– Ты все еще хочешь пива?

– А? Пива? В смысле?

– В смысле?! В смысле просто пива! – она смеялась, и в глазах ее прыгали черти, будто уже все знает, и просто ждет, чтобы я сказал. Сказать? Я открыл рот, и... закрыл. Не сейчас. Нервно сунул в зубы сигарету. Охренеть! Да я весь трясусь. Господи, ну почему не сейчас? Почему прямо сейчас нельзя?

Она покупала пиво, а я слушал в ушах грохот собственного сердца, оно тяжелым локомотивом каталось по желудку.

– Кто ходил – тому и первый глоток!

Она радостно свинтила голову бутылки, как злая кошка птичке, и стряхнула с рукавов назойливую пену, словно известный сексуальный процесс. Меня это добило, и я заржал, как ненормальный, громко и дико. Сгибала пополам и била плеткой истерическая дрожь, я чувствовал себя свихнутым чучелом, но не мог остановиться. Совершенно не смешно, скорее больно. Ведьма смотрела в сторону, пока припадок не покинул меня, потом протянула мне баллон. Я думал, она спросит что-нибудь вроде: «Че ржешь?» и посмотрит так, что от меня останется горстка униженного пепла, да еще и плюнет сверху для довершения картины. Ах, если бы! Но она смотрела так, будто все и всегда ведут себя как я! И это хорошо, так и лучше – *будто не знает, что унизила...*

– Спасибо! – вернул я ей «батл», но вовсе не пиво имея в виду.

– Не за что, – пожала она плечами, и отпила еще. Потом... притянула меня к себе и поцеловала, да так, что я о-бал-дел!

Жаль, что этого не было на самом деле. Но мне это нужно было. Правда. Как укол анальгетика. И я его не получил. Мучайся, Русский, мучайся! Не целуй меня, Яна. Мучай меня, тайно... не знай, что мучаешь...

Сидим, значит. наливаемся по самые глаза.

Смотрю на Янку, и про Дику думаю. Общего у них, двух феечек, маловато – только и того, что обе неформалки и жутко отвязные. Но навевает мне Ведьма Малолетнюю подружку мою, как полудетьми дружили-бухали. Потом разбредились как-то... Почему? Странная вещь – жизнь, и особо человеческие отношения. Сижу вот тут, и не знаю, как к Янке подобраться поближе, а ведь уже законченным дружочком своим считаю!

Вторая бутылка «777» подходила к концу, когда Яна поднялась, шатаясь и не без труда.

– Ой, народ, я пойду, поессу, – тут она хихикнула, вцепившись мне в плечо, чтобы не упасть. – И домой!

– Как – домой? – испугался я. А как же наш разговор?! Я не могу ее так отпустить!

– Янка, я не полечу без тебя! – крикнул я ей вслед. Все захохотали, а она обернулась, посмотрела на меня так внимательно и совершенно серьезно:

– Щас, я только поессу!

Я прислушался к себе – вроде не такой уж и пьяный. Хотя, надо попробовать встать – хоть до остановки Янку довести, может, успею что-то сказать! И поцелую хотя бы, уж точно! Зачем сдался мне этот ее чертов поцелуй – пес его знает, но в дурную башку влетело – «не вырубишь топором!»! Хотя из башки-то, да топором... и поцелуй не чертов, а ведьмин. Вот, видно в этом все и дело! Я поднялся, держать за почти совсем никакого Священника-Изгоя. Ничего, ноги еще приличной прочности, пока туда-сюда, домой совсем трезвый приду. Владка «пошинкует» – ну и пошла она! Сексуальных снов больше будет.

– Ребята, я домой!

– А-а, ну пока! – сказала Алекс, протянув шаткую руку. Я кое-как попрощался, и повлекся навстречу ночи, выползающей из густых, как мутная вода, сумерек. Перехватил Янку по дороге, она попыталась взбрыкнуть:

– Не, погоди, щас пойдем, надо же попрощаться!

– Нет, не надо! – помотал я тяжелой головой, крепко держа ее. Кровь загоралась от близости этого тела, этой девушки, прекрасной и грубой. Она была совсем пьяна, куда хуже меня. Вот и хорошо!

– Нет? Ну не надо, так хрен с ним! – мотнула рукой. – Пошли отсюда! – и, взяв меня под руку, вдруг запела довольно низким, хриплым голосом, лишенным нетрезвых нот, и очень задушевно:

– Rare me, rare me

My friend!

Rare me, rare me

Again!

Эх, не я ли этот friend? А то – с радостью! Или *наоборот*...

Проходя мимо «серых» благоразумно затихла и выровняла шаг. Миновав опасность, снова расслабилась, стала тяжелой. Но не буянила, не барагозила, а просто тихо пела. Я вел ее, изо всех сил стараясь держать себя в руках, и не рассыпаться пьяным прахом. Да, мне просто классно рядом с этой отравленной нефершей, и я жду от нее немалых чудес. К тому же, тайное желание, жгущее изнутри, мое излюбленное удовольствие. Хотеть и не получать – ах, какой изврат-кайф! Противоречие разрывает, и мука сосет жадно сердце, а я горю и наслаждаюсь. Но... сейчас я посажу ее на автобус и сам поеду домой. И ни о чем мы с ней не поговорим. Но у меня есть ее телефон. Значит, позвоню ей завтра же. Чисто под видом дурацкой заботы – как, мол, здоровьице? Ох, от этих мыслей кровь колотится в печени и голове, как на экзамене – я заранее боюсь говорить с ней! И прежде чем набрать ее номер, я буду долго трястись и уговаривать себя. От волнения начну говорить нагло и глупо. И совсем не то. А потом расхлебывать. Такой вот я кретин. Да, а кстати:

– Ян, а тебе куда ехать?

– В жопу.

– В смысле?!

– Ну, в Дему, какая нахрен, разница? – раздраженно махнула она, не выпуская моей руки.

– А, мать твою, Русский, сколько время?

– Все, п-ц, отсюда я уже не уеду, если только на Господе Боге!

– А как теперь? – вот, во мне шевельнулись горячие змеи предчувствия неожиданностей.

Сердце вздрогнуло – а его не обманешь!

– Да, теперь переться аж на Централку, на шестнадцатый! Блин, дома меня порвут! Поимеют! – сокрушалась она, а я подумал – вот это и я мог бы сделать! Зачем тебе родня? Посмотрел в темнеющую, сходящую в крутую черноту аллею, через которую идти до Ц. Рынка – далеко-о! – и обрадовано подумал, что время выиграно, и я смогу по дороге поговорить с ней! Yes!!

– Тебе не холодно?

– Нет, хорошо! Но вот так лучше! – Яна плотнее прижалась ко мне теплым телом, я ощутил под рукой резиновую краску на груди ее футболки «Сектор Газа». Хотя любит она больше всего «КиШ», но футболка «СГ» – дань уважения. Все-таки, сколько можно узнать о человеке, когда так доверяешь с первого взгляда. И говоря с которым не обязательно открывать рот! Если только чтобы... наши губы снова встретились, уже в который раз за ночь. Ее слюна имеет вкус сегодняшнего приключения. Сердце не обмануло меня сегодня, и все в очередной раз обернулось неслыханной удачей. Все сложилось так гладко и превосходно, что я подозреваю,

как буду платить завтра за безупречность обстоятельств сегодняшних. Или, это две наши силы соединились, чтобы смести все препятствия, и ласкаться без ограничений на моей постели?

Пили пиво на балконе, и я, покутив, наконец догнался настолько, что очень просто и легко, так естественно рассказал ей все. Про неожиданности. И про изнуряющие уроки полетов. И про то, как я понял, что в них неправильно. И вот, встретил ее. Она все поняла, и молчаливо согласилась мне помочь. А я и не просил. Вот что главное – я не просил! Это основное условие.

А еще раньше она села со мной в одну маршрутку. Не договариваясь, а так само собой. И поехала не к себе, а ко мне домой. Сказала лишь, что дома будет нечто, когда мы покупали пиво, выйдя на остановке у меня в Сипухе. Позвонила в коридоре. Долго слушала излияния в трубке. Сказала, что она жива и завтра поедет сразу в институт, от подружки. «Подружка» в это время любовалась на ее хмельно сторбленную спину, тонкие пальцы, теребящие волосы и темные полосы размазанной туши под глазами. Странно, но я не вспоминал о Светке, подумав лишь – ну и что, я же ее люблю, чего же еще! Да разве придет она вот так ко мне, ниоткуда и почти никакая? И вообще, Светка с поплывшей тушью – нонсенс! А моя Ведьма – прекрасна! Толстая, лохматая, пьяная, с размазанной косметикой – чудо из чудес! Ведь внутри она – вточь как я. Нет, еще больше я, чем я же сам, глядя на нее, я лучше понимаю себя. Так кто же она? Я не очень понял, и не хочу понимать – только бы не ушла!

Стоило Яне пройти в темноту зала с баллоном, как Владушка высунула заспанную мордочку, и принялась грызть меня – какого хрена я опять нажрался, и что она меня непременно разбудит завтра в шесть тридцать, нифига не пощадив выпихнет в колледж, и т.д., и т.п. но я это слышал столько раз! Она окинула свирепым взглядом прихожку, наткнулась на Янкины раздолбанные берцы, и вдруг... успокоилась! Пробурчала что-то типа: «Ну-ну!», и исчезла в своей норе. Я слегка обалдел от такой любезности и заподозрил неладное, но предпочел оставить разборки до завтра, ведь меня ждала Ведьма!

Я никогда не приводил девиц при Владе – но Яна не девица, она... она ведьма. Даже эта старая скотина почувствовала это! Вот вам истинная сила!

А еще пока мы мерзли на балконе, договорились сегодня не трахаться. Мачеха за стенкой, нечего ее радовать. Да и навряд ли что-то получилось бы. *Потому что она же согласится... и эти внимательные глаза будут смотреть не смаргивая, на мои мучения, убивая меня взглядом, ничтожество... и она будет знать, что я чувствую... она будет виновата моей виной... о, боже, нет!!!* Встряхнул головой, немного приходя в себя – и потом, не для того ведь мы здесь вместе. А для чего? Мне начинает казаться, что даже не для моего полета (с четвертого этажа если только!). Так для чего же? Вот эта сырая ночь знает, но ведь молчит!

Мы то шепчем какую-то ерунду, то снова целуемся. Она греет руки у меня за шиворотом, я у нее на груди. Но мне ничего другого не надо, боже упаси разрушать это очарование доступной недоступности, чистейшей дружбы. Мне хорошо, так по-особенному хорошо, как бывает редко, либо не бывает совсем. И я даже больше не хочу знать, кто она мне, лишь бы эта ночь не кончалась...

Я рассказываю, она слушает – по-особому, не причитая как все девчонки, ой, ты бедненький, или не в тему вставляют что-то вроде – а как это? Она просто слушает – мой благодарнейший подарок неба! За что только, боже, это слишком хорошо для меня! опять же – как и с Дикой! У меня есть друг, снова! и с ней мы никогда не спали – помнили, что слишком разные в этом отношении, и самое главное – друзья ведь, а как вот так вывернуться перед другом, унизиться? Сейчас я думаю, что Дика могла бы, в принципе, но я еще толком не понимал сам, чего хочется, да и друга терять из-за такого не хотелось. нет, точно не вышло бы ничего,

слишком страшно! Госпожа должна быть госпожой, а не другом никак! Боже, что я позволяю себе думать, вообще? какое еще счастье, что Ведьма пьяна, и не слышит...

– Ну, че, сегодня куда? – спросила Влада как-то подозрительно поглядывая, как я доедаю суп, будто ждет, когда же я свалюсь от отравы, и боится, что этого не случится. Я пожал плечами – ну нафига она спросила?

– Да тут выписал пару адресочков. Позвоню да пойду, чего скажут, может!

– Ага, только смотри, блядь, оденься по-человечески! А то опять попруешься в этом своем рванье!

– Каком рванье? – тихо спросил я, стараясь не заводитьсь.

– Я ему как человеку, как сыну нормальную джинсовку купила, а он влез в эту кожу идиотскую, как собака на замках весь, не отодрать! Скоро соображать перестанешь, где у тебя че – где твоя, где купленная кожа-то!

– Влада, моя косуха – очень даже приличная, и совершенно новая, ты же знаешь, я за нее чуть жизнь не отдал. Вот если бы я джинсы рваные одел на собеседование...

– Да иди ты! В чем хочешь иди! Перед людьми ж стыдно! Ну что ты как удолбище все шляешься, нет бы постригся, помылся!

Я мытый! Ты Харлея видела? Я еще и в половину как он не хожу. Я не панк, а металлист!

И кто тока за тебя замуж пойдет, красавец-мужчина? – зло ухмыляется она, задевая за очень больное – знает, кобыла, кем я себя считаю, взгляда недостойным, «мужчина» как ругательство! Какие замуж?! Для того и говорит, и моменты знает нужные! Опускаю глаза, беру себя в руки... раз – я не убожество! Два – панкерша какая-нибудь за меня пойдет с большим удовольствием! Три – не твое собачье дело, сука накрашенная! Четыре...

Дальнейшие препирания лишены всякого смысла, и я удаляюсь. Будь грязный, вечно в мазуте, автомеханик и байкер, пять лет (серьезно!) нестриженный, оборванец Харлей ее сыном, она бы в задницу его целовала, я уверен. Носилась бы с ложечкой: «Сереженька, покушай!» Но мне она *как сыну* джинсуху купила. Вот в том-то и дело! Или у меня уже паранойя? Тока ее не хватает в жирный плюс к извращенности.

Что поделатъ с Богом, решившим послушать дружный человеческий хор, твердящий одно: «Вот такая, блядь, весна!»² На дворе – 27 мая, а других слов, не подворачивается! Неизменный дождь – возможность не вылезать из родной косухи, и невозможность неприлично отметить переползание на второй курс! Подвал, подъезд, переход, но только не природа!

Под серым низким небом топаю на собеседование в серьезный офис фирмы видеорекламы. Я ведь художник – да-а! И не просто, а комповый график! А это вам не хухры-мухры, и не воробей чихнул. К тому же, как известная примета времени в моде извращенное мышление – глядишь, пригожусь! Это дает определенную надежду как-то устроиться в жизни, не слишком затеряться... но уж и не знаю, надеяться мне на что-то, или сразу думать – я прусь туда только для очистки совести, а потом отправлюсь в пионерлагерь посуду мыть (хе-хе!), или по привычному со школы маршруту – на стройку. Почему-то при мысли об очистке совести, мне представились эти самые очистки, похожие на свежесоструганную кожуру ядовитого зеленого картофеля, но было в них что-то чересчур живое, и потому отвратительное... Бр-р!! Скорее подумать о другом – как я зайду туда, в этот офис, а там секретюточка в кудряшках вежливенько попросит подождать, а сама не сдержавшись, усмехнется – вот тип волосатый, клепанный. А еще хочет чего-то. А хочу я, девочка моя, не чего-то, а денег. Плевать мне и на тебя, и на все ваши вакансии. Можно, я буду ножками дрыгать, и деньги получать? Еще могу с колокольни махать... Ох больно! Сердце свело – в толпе мелькнули светло-рыжие смешные соломки – как давно я не видел Ведьмы! И она молчит. И я звонить боюсь. Это

² Текст группы «Шмели»

смешно и нелепо – человек в 17 лет боится позвонить девушке, в которую он ничуть не влюблен, и просто считает другом... нет, вот в этом и дело – нифига не просто! Ох, надо бы уже на что-то решиться, вот и повод хороший – рассказать как прошло собеседование, пригласить на «чашечку портвейна». Положительный результат обмыть на радостях, отрицательный – с горя, для утешения. В любом случае, она мне друг, вот пусть и отработывает! *Вот пусть и отработывает... по лицу, и униженно сгорбленной спине... коленями на гречневую крупу... и тонким хлыстом... аааа!*

Ободренный такими мыслями, я толкнул тяжелую дверь с табличкой «Акцент-Видео». Эх, что я делаю, какого фига здесь толкусь? Не по мне это все, уже тоскую! Или это опять паскудная неуверенность в себе? Ну, Русский, а неожиданности? Если только! Но сердце жметя как-то не так. Нехорошо это все!

– Так вы, Станислав, сейчас на каком курсе?

Длинный субъект в сером костюме безукоризненно вежливо буравит меня взглядом инквизитора.

– На второй перешел.

Так это и есть ужасное «оно» – офисное собеседование? Ох, провалиться. Щас будет опыт работы. Жопа.

– Ага, понятно! – он опускает глаза, педантично протирает очки. Я нервничаю и мучаюсь. Снова надевает очки, бросает выразительный взгляд на меня, потом надолго утыкается в резюме. Господи, да что же это? Он же его уже раза три прочитал, какого же фига еще? Я его практически ненавижу. Как маленькому ребенку, хочется скривить рожу, покорчиться, обозвать его мудаком на худой конец. Ну что ж он тянет? Послал бы что-ли, чем так! Я читал об этом в газете «Базар», что при собеседовании тебя будут изучать под микроскопом и намеренно тянуть время, испытывая на прочность нервы, но оказался к этому совершенно не готов! Меня мелко трясет изнутри, я чувствую себя будто в коровьих внутренностях, еще теплых, и мелко подрагивающих... Меня подташнивает от таких ассоциаций.

– Скажите, Станислав, – наконец отрывается субъект от проклятой бумажки, – а опыт работы у вас в подобной сфере, в креативе, имеется?

Я делаю вид, будто задумался, а сам сцепив под столом пальцы стараюсь как могу выползти из дохлого коровьего брюха, оно уже остывает, и такое скользкое! Он повторяет вопрос – только бы не облеваться!!

– Извините, я как-то... Можно воды?

Он терпеливо кивает. И откуда эта мерзость?

– Да знаете, я раньше больше физическим трудом зарабатывал.

Он с сомнением окидывает взглядом мои узкие плечи и тонкие руки – да, я художник и музыкант, но этим не разживешься на «косуху». И сколько бы я не ворочал тяжести – мышцы не растут и все! Я не знаю, может это наследственное, а может, я сын наркоманки – за что-то же был брошен Владе под дверь. Но он обойдется и без этих сведений, крыса офисная.

– Но я не боюсь совершенно любой работы, в том числе и творческой! – кажется, я что-то совсем не то сказал. О, нет, опять эта корова! Говорить, говорить, или я облююсь, прямо на стол!

– Я имею несколько образований, в том числе творческих, я это указал в резюме!

Смотреть на листок, не думать о плохом!

– Я выполнил выпускную работу на «отлично» на курсах компьютерной графики. Я заканчивал курсы визажа в 2000 году, все лето проучился. Деньги на это зарабатывал сам. Но я еще несовершеннолетний, почти, и все было по договору.

– Но тогда мы... как вам объяснить?

Я поднял глаза – морда у него совершенно крысиная, я аж поморщился, почему сразу не заметил?

– Но мне через месяц исполнится 18, и соответственно, все права совершеннолетних... – что я хотел сказать? А вот Ведьме вообще 22 в сентябре, и ничего! Она мне этого не говорила, а я знаю, только что это понял! Я хочу к ней, я ненавижу эту крысу напротив. И мне противно здесь находиться. Не берите меня, я не буду работать в таком мерзком месте, где меня шупает взглядом крыса в сером костюме, а я мечтаю как минимум показать ему fuck!!

Я закипая ненавистью следил за его мелкими аккуратными движениями гадливого животного – вот оно набрало номер, сняло трубку и пискнуло туда:

– Альфия Мугалимовна, зайдите пожалуйста!

Надо же, какая разумная крыса! Я повернул голову – в нору вползло такое же серое офисное «что-то» женского рода. Оно дрессированно изображало вежливую улыбку. Потешаясь, я поздоровался с ним. Оно уселось в кресло и оглядело меня маленькими красным глазками, шурша хвостом выслушало крысака, склонив набок ушастую серую голову. Боже мой, какого... какого? – я здесь? Почему?! Я – и крысы!

– Послушайте, молодой человек, мы – серьезная фирма, и предлагаем своим сотрудникам приличную заработную плату. Это первое. Да к тому же – полный социальный пакет! – оно отложило в сторону резюме, сложило когтистые лапки на столе перед собой, а меня захлестнула ненависть с головой – да она меня просто насилует, топчет! Я молчал, чувствуя, что ненадолго. Что еще?

– А у вас просто... как сказать?

– Как есть, пожалуйста! – перебил я. Вот сейчас, еще немного!

– У вас, при всем вашем богатом послужном списке и обширном резюме просто недостаточен творческий опыт! Но – где гарантии, что вы оправдаете свое место, если мы вам его предоставим?

– Да, ведь фирма не может так рисковать, поймите! – вклинился этот крысак, и я сломался:

– А вам я хотел бы сказать – если это можно, конечно, – что вы просто отъявленный серый крысак! – начал, кладя ноги на стол, и чувствуя потрясающую, просто раздражающую свободу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.